

·the big book·

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

ОРЛЫ ИМПЕРИИ

РИМСКИЙ ОРЕЛ
ОРЕЛ-ЗАВОЕВАТЕЛЬ

ОРЕЛ НАПАДАЕТ
ОРЕЛ И ВОЛКИ

ДОБЫЧА ЗОЛОТОГО ОРЛА
ПРОРОЧЕСТВО ОРЛА

САЙМОН СКЭРРОУ

ДОВЫЧА ЗОЛОТОГО ОРЛА
◆
ПРОРОЧЕСТВО ОРЛА

АЗБУКА
Санкт-Петербург

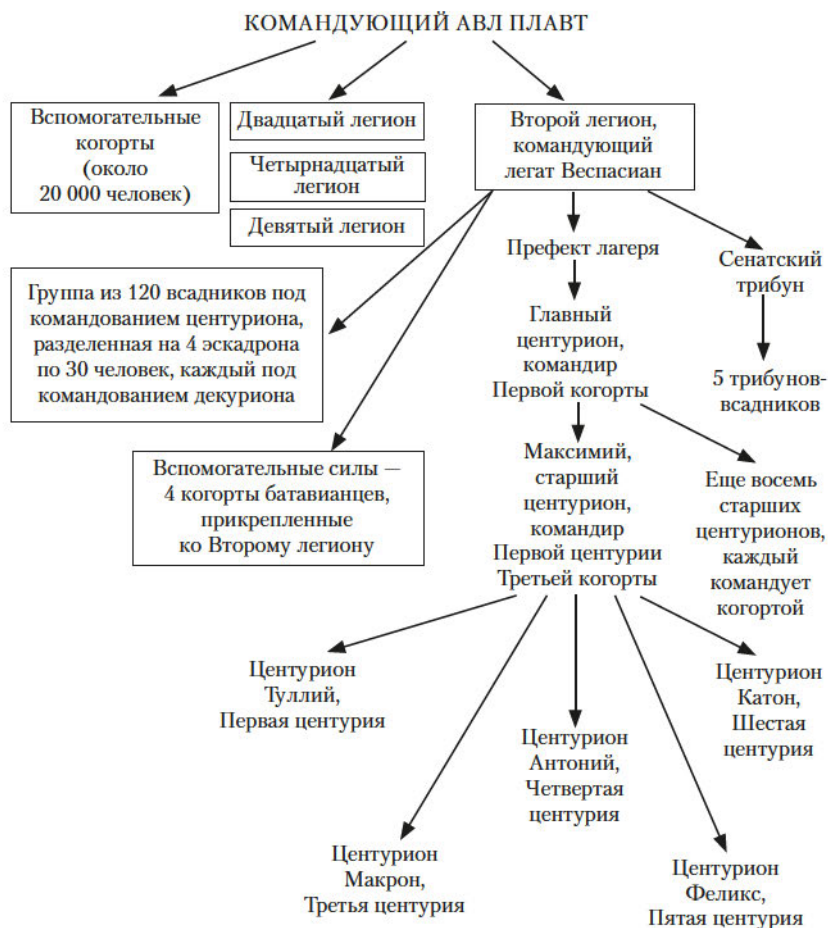

ДОБЫЧА ЗОЛОТОГО ОРЛА

*Моим братьям Скотту и Алексу.
С любовью и благодарностью за все то время,
которое мы так прекрасно проводим вместе*

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ РИМСКОЙ АРМИЕЙ В БРИТАНИИ

44 г. н. э.

Помимо центурионов, в состав каждой центурии входят один оптион (заместитель центуриона) и один знаменосец. Центурия состоит из десяти отделений по восемь легионеров в каждом.

ОРГАНИЗАЦИЯ РИМСКОГО ЛЕГИОНА

Поскольку главными действующими лицами «Добычи золотого орла» являются римские центурионы Макрон и Катон и не все читатели, возможно, знакомы с особенностями военного устройства Древнего Рима, считаю необходимым пояснить, как был устроен римский легион.

Второй легион, «родной дом» Макрона и Катона, как и все легионы, состоял примерно из пяти с половиной тысяч солдат. Основным его структурным подразделением была центурия из восьмидесяти человек под командованием ЦЕНТУРИОНА, чей помощник или заместитель именовался ОПТИОНОМ. Центурия состояла из десяти отделений по восемь человек, которые квартировали вместе в казармах или в палатке, если находились в походе. Шесть центурий составляли когорт, а десять когорт — легион, причем в первую когорт входило вдвое большее число солдат. Кроме того, к легиону прикреплялось кавалерийское подразделение из ста двадцати человек, разделенное на четыре эскадрона. Конные воины в основном исполняли обязанности разведчиков и гонцов. В личный состав легиона входили следующие чины, в порядке понижения.

На пост ЛЕГАТА назначали знатных римлян, обычно лет тридцати пяти. Легат командовал легионом до пяти лет и зачастую рассматривал службу как ступеньку в дальнейшей политической карьере и возможность создать себе имя.

Должность ПРЕФЕКТА ЛАГЕРЯ занимал опытный, посевший в походах ветеран, который ранее, как правило, исполнял в легионе обязанности первого центуриона. Для воина незнатного происхождения это была вершина карьеры. Пост префекта требовал от него большого опыта и несомненной честности, ведь, если легат отсутствовал или не мог исполнять свои обязанности, к префекту лагеря переходило командование легионом.

Шестеро ТРИБУНОВ были своего рода штабными офицерами. В большинстве случаев должность получали молодые люди двадцати с небольшим лет, которые недавно поступили на военную службу и желали набраться опыта, чтобы впоследствии занять низшие посты в органах гражданского управления.

Особое положение среди них занимал СТАРШИЙ ТРИБУН, как правило представитель сенаторской фамилии, для которого эта должность была подготовкой к командованию легионом или к политической карьере.

Костяк командного состава, отвечавший за дисциплину и боевую подготовку легиона, составляли шестьдесят ЦЕНТУРИОНОВ. Кандидатов на эти должности выбирали, исходя из их умения командовать людьми и выдающихся личных качеств, таких как мужество. Возможно, поэтому потерь среди центурионов было больше, чем в любой другой категории воинов. Главным считался командир первой центурии, самый опытный воин, удостоенный наибольшего числа наград.

Четыре ДЕКУРИОНА командовали прикрепленными к легиону кавалерийскими эскадронами и могли рассчитывать в будущем возглавить более многочисленный вспомогательный кавалерийский отряд.

Каждому центуриону помогал ОПТИОН, его заместитель. Если освобождалась должность командира центурии, что происходило довольно часто, он становился первым кандидатом на нее.

Рядовые ЛЕГИОНЕРЫ служили двадцать пять лет. Первоначально лишь римские граждане имели право поступить на военную службу, однако империя ширилась и численность армии росла, поэтому легионерами все чаще становились представители коренного населения провинций, что открывало им путь к получению римского гражданства.

Воины ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ КОГОРТ по статусу были ниже, чем легионеры. Состав этих подразделений формировали из населения провинций, их задачей было обеспечивать армию кавалерией и легкой пехотой. Все воины, не имевшие римского гражданства, получали его по истечении двадцатипятилетнего срока службы, однако за выдающиеся подвиги в бою могли получить гражданство в награду.

Глава 1

— Далеко еще до лагеря? — спросил грек, уже в который раз оглядываясь. — Надеюсь, хоть до темноты доберемся?

Декурион, возглавлявший маленький кавалерийский эскорт, выплюнул яблочное зернышко, прожевал сочную, терпкую мякоть и лишь после этого ответил:

— Доберемся. Не стоит переживать, почтеннейший. Если прикинуть, осталось миль пять-шесть, не больше.

— А побыстрее мы двигаться не можем? — не отставал грек.

Он без конца озирался, и в конце концов декурион тоже не смог удержаться и оглянулся на оставшуюся за спиной дорогу. Впрочем, как и следовало ожидать, смотреть там было не на что — на их пути до самой седловины, лежавшей между двумя лесистыми холмами, где воздух мерцал от жары, царило безлюдье. С самого полудня, покинув укрепленный аванпост, они оставались единственными путниками на тракте. Декурион, эскорт из десяти кавалеристов и грек с двумя телохранителями ехали по дороге, направляясь к многолюдному передовому лагерю командующего Плавта. Три легиона и дюжина вспомогательных подразделений сосредоточились там, готовясь нанести последний, решающий удар по Каратаку и его войску, набранному из представителей тех немногих племен бриттов, которые еще продолжали вести открытую войну против Рима.

Декуриона одолевало любопытство: интересно, что за дела могут быть у какого-то грека с самим командующим. Сегодня на заре префект тунгрианской конной когорты вызвал его к себе и приказал отобрать из подразделения десять лучших воинов, чтобы проводить грека к командующему. Декурион взялся выполнять приказ без лишних вопросов, как и подобает воину, но сейчас искоса поглядывал на грека, снедаемый любопытством.

От этого типа прямо-таки веяло богатством и утонченностью, даром что одет он был в обычный легкий дорожный плащ и крас-

ную тунику. Однако от придирчивого и неодобрительного взгляда декуриона не укрылись ни тщательно ухоженные, покрытые лаком ногти, ни аромат дорогого лимонного масла, которым грек умастил темные волосы и бородку. Перстней на пальцах не было, но светлые полосы на загорелой коже указывали на то, что не так давно грек носил на руках немало украшений. Декурион слегка скривил губы: видимо, этот человек — один из тех вольноотпущенников-греков, которые хитростью пробрались в самое сердце имперской бюрократии. А тот факт, что чиновник находился в Британии, в зоне военных действий, и всячески старался не привлекать к себе внимания, указывал на некую особую миссию посланника. Возможно, его задача — доставить командующему такие деликатные и важные сведения, что их не решились доверить обычным войсковым курьерам.

Взгляд декуриона упал на двух телохранителей, ехавших за спиной грека. Одеты они так же просто, но у каждого под плащом висел короткий меч на перевязи армейского образца. Это не были отставные гладиаторы, из числа которых, как правило, набирали личную охрану состоятельные римляне. Как ни старались они остаться неузнанными, все же по оружию и манере держаться декурион безошибочно понял, что это преторианцы. Их присутствие неопровержимо доказывало, что грека привели сюда дела государственной важности.

Придворный служитель неведь в который раз оглянулся.

— Кого-нибудь ждешь? — осведомился декурион.

Грек взглянул на него, усилием воли согнал с лица раздраженное выражение и скривил губы в подобии улыбки.

— Да. По крайней мере, надеюсь.

— Кого-то, о ком мне следует беспокоиться?

Грек помедлил, потом снова улыбнулся:

— Нет.

Декурион ждал пояснений, но грек молчал, устремив взгляд вперед. Декурион пожал плечами и продолжил грызть яблоко, блуждая взглядом по окрестностям. С юга по холмистой долине вилась река Тамесис. Вершины холмов поросли древними деревьями, и между ними то тут, то там были разбросаны деревеньки и усадьбы добунниев: племени, которое одним из первых присягнуло на верность Риму, сразу после высадки легионов в прошлом году.

Прекрасные места, вот где неплохо бы обосноваться — размечтался декурион. Как и любой ветеран, отслуживший под Орлами Рима двадцать пять лет, в дополнение к римскому гражданству и маленькому пособию он может рассчитывать на участок земли в одной из колоний, чтобы обеспечить себе безбедную старость. Можно даже жениться на той симпатичной местной женщине, с которой он сошелся в Камулодунуме, растить ребятишек и попивать винцо, благо денег хватит.

Его приятные мечты прервал грек, который вдруг резко осадил коня и из-под хмуро сдвинутых бровей стал вглядываться куда-то назад. Беззвучно выругавшись, декурион поднял руку, останавливая своих бойцов, и повернулся к беспокойному попутчику.

— Что случилось?

— Смотри, — промолвил грек, указывая вдаль. — Вон там.

Декурион устало повернулся в скрипучем кожаном седле и стал смотреть. Сначала ничего было не разглядеть, и лишь посмотрев туда, где дорога исчезала за холмами, он заметил темные силуэты всадников, выросшие из древесной тени. Выехав на свет, конники галопом понеслись в сторону грека и сопровождающих его воинов.

— Это еще кто такие? — пробормотал декурион.

— Понятия не имею, — ответил грек. — Хотя мне, пожалуй, известно, кто их послал.

— Они будут нападать? — спросил декурион, с раздражением посмотрев на него.

— Еще бы.

Декурион опытным взглядом окинул преследователей, которых отделяло от него немногим более мили. Восемь человек мчались, припадая к гривам коней, за их спинами развевались темно-коричневые и черные плащи. Восемь против тринадцати... не считая грека. Хорошее соотношение сил.

— Кажется, мы увидели достаточно, — промолвил грек, отвернувшись от скачущих вдалеке всадников. — Поехали!

— Вперед! — скомандовал декурион, и эскорт галопом припустил вслед за греком и его телохранителями.

Декурион был зол: нет нужды удирать таким постыдным манером. Имея численное превосходство, они вполне могли дождаться преследователей, оставаясь на месте, и, таким образом, имели

бы дополнительное преимущество — свежих лошадей. Все кончилось бы довольно быстро. Правда, нельзя сбрасывать со счетов и то, что в ходе схватки враги могли добраться до грека, а на сей счет приказ префекта был однозначен: ни в коем случае не подвергать его опасности, сберечь ему жизнь, чего бы это ни стоило. Декурион был вынужден признать, что в таких обстоятельствах разумнее всего избегать малейшей угрозы, как бы это ни было досадно. Они опережают погоню на целую милю и, несомненно, доберутся до лагеря командующего задолго до того, как вражеские всадники смогут их догнать.

Однако, оглянувшись снова, декурион был поражен тем, насколько сократилась дистанция: видимо, скакуны у преследователей великолепные. И он сам, и его люди имели неплохих лошадей, но вражеские явно их превосходили. Кроме того, всадники тоже должны быть достаточно опытны, чтобы выдержать такую долгую погоню. Декурион впервые ощутил укол сомнения и тревоги: их явно преследуют не простые разбойники. Судя по темным волосам, смуглой коже, струящимся плащам и туникам, это не местные жители. Те решались атаковать римлян лишь при основательном численном превосходстве, а грек, похоже, знал, откуда взялась погоня, и сам был в ужасе, хотя его сородичи вообще храбростью не отличались. Он во весь опор мчался перед декурионом, болтаясь в седле, словно куль с овсом, а телохранители, демонстрируя куда большее самообладание и искусство верховой езды, скакали по обе стороны от хозяина. Декурион, стиснув зубы, усмехнулся: во дворце этот грек наверняка чувствует себя как рыба в воде, но вот в седле, да еще на полном скаку — плачевное зрелище.

Вскоре случилось неизбежное: горе-наездника, мотавшегося из стороны в сторону, занесло. Он отчаянно рванул поводья, конь резко остановился, и грека выбросило из седла. Декурион выругался и едва успел свернуть вбок, чтобы не растоптать упавшего.

— Стой!

Под звуки брани и конского ржания маленький отряд остановился, окружив распростертого навзничь грека.

— Не хватало только, чтобы этот ублюдок зашибся насмерть, — проворчал декурион, соскочив с седла. Оба телохранителя уже спешили и склонились над хозяином, чья жизнь была доверена их попечению.

— Жив? — спросил один из них.

— Да. Дышит.

Грек открыл глаза, заморгал и снова зажмурился, ослепленный солнцем.

— Что... что случилось? — выдохнул он и обмяк, потеряв сознание.

— Поднять его! — рявкнул декурион. — Уложить на лошадь.

Преторианцы подняли своего подопечного и забросили обратно в седло, после чего сами вскочили на лошадей. Один взял за повод коня, на которого усадили грека, другой крепко держал за плечо самого неудачливого всадника.

— Вперед! — скомандовал декурион, указывая преторианцам на дорогу. — Увозите его отсюда. Живо!

Преторианцы изо всех сил рванули к лагерю командующего, в безопасность, а декурион, вскочив в седло, повернул коня навстречу преследователям.

Теперь всадники были гораздо ближе, не более чем в пятиста шагах, и на скаку выстраивались в широкий клин для атаки. Они уже выхватили дротики из колчанов и занесли для броска.

— В атакующую цепь... стройся! — рявкнул декурион, и кавалеристы перегородили дорогу, сформировав конную шеренгу. Щиты прикрывали тела, острия копий были выставлены вперед, навстречу стремительно приближавшимся врагам. Сейчас декурион жалел, что не приказал своим людям вооружиться еще и метательными дротиками, но ведь его отправили не в бой, а всего лишь сопроводить гражданское лицо в лагерь командующего по мирной территории. И вот результат — прежде чем они успеют схватиться с неприятелем врукопашную, на них обрушатся дротики, и противостоять они не смогут.

— Готовься... — взревел декурион, призывая воинов сосредоточиться. — По моему приказу... вперед!

Всадники вспомогательной когорты рванули с места и, стремительно набирая скорость, с яростными криками понеслись навстречу вражескому отряду.

Группы всадников неуклонно приближались друг к другу, никто не сбавлял хода, и декурион внутренне подобрался, готовясь врезаться в противника на всем скаку. А вот некоторые бойцы, видя вражескую решимость, стали замедляться. Командир встрепенулся, мигом оценив угрозу.

— Не отставать! — выкрикнул он сначала в одну, потом в другую сторону. — Держать строй!

Враги приближались молча, теперь на их лицах можно было разглядеть свирепую, беспощадную решимость. Судя по тому, что плащи и туники струились свободными складками, доспехов под ними не было, и декурион даже посочувствовал этим смельчакам, ибо, несмотря на превосходство скакунов, трудно надеяться одолеть в рукопашной бойцов вспомогательной кавалерии, защищенных куда лучше.

Однако в последний момент перед столкновением, которое казалось неминуемым, вражеские всадники без всякого приказа развернули коней и ушли с линии атаки, разом отведя назад руки, сжимавшие дротики.

— Берегись! — крикнул кто-то из бойцов декуриона, когда им навстречу полетели низко брошенные метательные копьа.

Это не была суматошная, беспорядочная атака — каждый всадник тщательно выбрал себе цель, и стальные острия вонзились в незащищенные конские бока и груди. Лишь один дротик попал в бойца, угодив в живот, как раз над передней лукой седла. Декурион сразу понял, что враги намеренно выбрали мишенью лошадей: атака эскорта захлебнулась. Всадники пытались удержать испуганных раненых животных, но двоих бойцов выбросило из седла, и они тяжело упали на сухую, утопанную дорогу.

Вновь засвистели дротики. Конь декуриона конвульсивно дернулся: справа торчало темное древко. Всадник покрепче сжал бедрами кожаное седло и выругался: его конь стоял и яростно мотал мордой, разбрызгивая сверкающую на солнце слюну. Вокруг царил хаос: ржали и бились раненые животные, оказавшиеся на земле бойцы думали лишь о том, как не угодить под копыта охваченных паникой лошадей.

Враги растратили дротики и теперь обнажили спаты — длинные мечи, штатное оружие римской кавалерии.

В считанные мгновения соотношение сил изменилось в пользу нападавших.

— Они атакуют! — раздался испуганный голос поблизости от декуриона. — Спасайся кто может!

— Отставить! Сомкнуть строй! — взревел декурион, соскользнув с раненого коня. — Пуститесь наутек, и вас перебьют поодиночке. Держитесь вместе! Ко мне!